

Миlena Макарова удивляет пестротой предстоящих перед нами сюжетов, событий! Свой стихотворный рассказ она как бы выносит на сцену, разыгрывая поэтический спектакль. И яркие эпизоды этого спектакля держат наше внимание и ожидание того, что будет происходить с героями её поэтического театра и с ней самой, автором и режиссёром.

Д. Ч.

* * *

Смотрите, Миледи, но лучше, конечно же, нет,
Как быстро цветок расцветёт на плече оголённом.
В розариях кармы горит электрический свет.
Дымится железная лилия. Пахнет палёным.

Хотелось ли Вам, о графиня моя де ла Фер,
Судьбу развернуть как написанный золотом свиток?
Глаза столь прозрачны и голос как музыка сфер.
Зачем же тогда впереди монастырь кармелиток?

Всё спрятано. В перстне, допустим, покоится яд,
А сердце и лилия скрыты под чёрным гипюром.
Версаль позади и не будет дороги назад
Для той, что закутана в чёрное, но белокурой.

Мне жаль этот профиль и жаль поворот головы,
И шею точёную, но всё сбывается скоро.
Роман на исходе и там, в середине главы –
Лилейная смерть и нелепый квартет мушкетёров.

В розариях кармы горит электрический свет,
И вот не уснуть даже самой глубокою ночью.
Смотрите, Миледи, написан Ваш автопортрет.
Кто мог бы подумать, что зеркало так кровоточит...

* * *

Споткнуться о тень. Поцеловать привиденье.
Фантом приголубить. О призрак щекой потереться.
Но ангел-хранитель, похоже, теряет терпенье –
Когда же закончится это бесстрашное детство?

Очаг нарисованный станет холстом раскалённым.
Сиреновой ведьмой родная до боли Мальвина.
А роза ветров расцветает в пространстве слоёном,
Где кто-то уже обретает свою половину.

* * *

В этом романе каждое слово на вес
Золота. Я закрываю глаза. Вижу маршрут.
Жизнь моя мчится, будто «Восточный Экспресс»,
Только однажды, кого-нибудь в нём убьют.

Я надеваю жемчуг. Я играю в маджонг.
Я выбираю время. Отмериваю цианид.
Не говорить о смерти, всё же хороший тон,
Даже когда внутри всё у тебя болит.

Я не раскрою тайны. Не изменю сюжет.
Да, я конечно не та, за кого себя выдаю.
У меня другие глаза, и мне достаточно лет,
Чтобы не верить в то, что встретимся мы в раю.

Я научилась мечтать даже под стук колёс.
Кто-то за стенкой плачет – мне слышно в тиши ночной.
Я же давно позабыла вкус благодатных слёз –
Леди Агата, видно, будет довольна мной.

* * *

Я не верю. Я поджигаю жемчужину,
Рискуя спалить тонкую нить ожерелья.
Я достаю зажигалку в виде дельфина,
Вынимаю из дельфина пламя,
А из памяти -панораму:
Тёмное море, горящее небо,
Жемчуг, рассыпанный на постели...
Ты не веришь. Ты поджигаешь жемчужину.
Пламя облизывает перламутр,
И уносится дальше,
В глубину, в потаённые недра.

* * *

Лишь скажи: «Приди!» и я приду –
По воде, по воздуху, по огню,
По серебряному, словно зеркало, льду.
Бриллиантом маленьким ограню
Этот день. Оберну его в чёрный шелк
Нежной ночи. Бережно сохраню.
Или, может, жду, чтобы ты пришёл –
По воде, по воздуху, по огню!

* * *

Высокое пламя свечи раздвоилось,
И каждый его лепесток отогнулся,
И огненной лилией стала свеча расцветать.
Но только тебе ничего не открылось,
И ты, не поверив глазам, улыбнулась.
А воздух дрожал над свечой как озёрная гладь.

* * *

Кто-то сказал мне, что медитация это –
Чувствовать сердцебиение птицы, сидящей на ветке.
Вот я и чувствую как
Сердце моё отдаётся ударом двойным,
А горло саднит от неспетой в сумерках песни...

* * *

Смерть совсем рядом, она ходит кругами,
Вышивает крестиком, делает оригами
Из писем прощальных. На ней – то фата, то траур.
Ей тысячи лет. Она – серьёзная фрау!

Она говорит «ГОД». Тот, кто пойдёт со мною
Узнает небесное и позабудет земное...»
Играет на флейте в парчовом халате факира.
И чтобы её не встретить, вы отдадите полмира.

Но она помечает фатальный рейс самолета.
Она то печальна, то весела отчего-то.
То светом тоннеля ведёт, то сумраком коридора.
Глаза её пепел и лёд. Она – роковая сеньора!

В руках у неё то стилет, то дивная «акватофана».
Ей тысячи лет, она одевается странно.
Стоит одиноко в холодном тумане перрона.
И сбиты её каблуки, и алмазна корона.

И там, где у крови горячечный привкус металла,
Проходит незримо с улыбкой надменно-усталой.
С улыбкой до боли знакомой, с улыбкой спокойной –
Ей надо успеть на все безрассудные войны.

* * *

И чем непрогляднее тьма, тем вернее
Слова обретают какую-то новую силу,
Подобно тому, как дамасская сталь, погружённая
В густеющий сок незабудки (согласно поверью)
Навек обретает волшебную силу и лёгкость,
И несокрушимость, и ранящий медленный блеск.
Слова обретают какую-то странную силу.
Слова как дамасская сталь остывают.
Чтоб после, чтоб после
Оставить глухие трехгранные раны,
И боль, о которой не сможем уже позабыть...

На огромной карте Луны,
 Найденной в недрах домашней библиотеки,
 (Берн, Швейцария, такой-то год выпуска)
 Прочсть названия лунных морей –
 Море Дождей или Море Гумбольдта,
 Mare Nectarisi и Mare Imbrium.
 Повторять зачарованно, словно лунатик,
 Имена озер и заливов –
 Залив Радуги или Озеро Сновидений,
 Озеро Вечности, Озеро Смерти...
 Lakus Temporis и Lakus Doloris.
 Даже на тёмной стороне Луны
 Нашлось своё Озеро Забвения.

Вся эта неистовая латынь –
 Прихоть средневекового астронома,
 Который, наверно, в душе был поэтом,
 С которого всё началось – покатилося...
 Ничего уже больше и не изменишь,
 Луноходы, пошатываясь, будут бродить
 От Озера Счастья до Змеиного Моря.
 Реголит тихонько вспыхивать
 В дни «огненного Новолуния».
 А Луна будет всё так же
 Улыбаться своей чуть усталой улыбкой...

В саду.
 Бумага, акварель, 21X29 см.